

Под знаком ювенальной юстиции

Пока институциональные рамки остаются прежними, детская политика будет частью отложенной модернизации, в состоянии которой пребывает вся страна | **СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ**

Прошлый — 2009-й — год в России ознаменовался всплеском государственных инициатив в области детской политики, а также заметной общественной реакцией на такие инициативы. «Наступление» велось практически по всему фронту: от борьбы с детской порнографией (в Госдуму был внесен ¹ законопроект, предполагающий уголовную ответственность за хранение материалов подобного рода) до ювенальной юстиции (пилотные проекты запущены в двадцати регионах). По вопросам детской политики часто и неожиданно резко стал высказываться российский президент Дмитрий Медведев. Примечательно, что в отличие от многих государственных инициатив, не вызывающих в нынешнем апатичном российском обществе какой-либо реакции, публично объявленные действия в рассматриваемой области вызвали широкий отклик, часто непредсказуемый: так, урапатриотическая государственная кампания по возвращению в Россию детей от смешанных браков российских и иностранных граждан, достигшая своего апогея в крайне показательном деле Сандры (Александры) Зарубиной, увенчалась созданием чуть ли не общественных комитетов — и в Португалии, и в России, — призванных содействовать

возвращению девочки в Португалию (мы подробнее остановимся на этой истории ниже). После такой общественной реакции упомянутая кампания быстро сошла на нет. Пилотные проекты в регионах, связанные с ювенальной юстицией, породили также далеко не однозначную реакцию: наиболее яростное противодействие им исходит от правоконсервативного фланга и возглавляется церковью, однако, например, сообщество против ювенальной юстиции в *LiveJournal* было создано пользователем *fritzmorgen* ² — постоянным автором журнала «Русский пионер», приближенного к Администрации Президента РФ.

Инициативы российского государства в борьбе с педофилией в целом находятся в русле движения мирового законодательства к ужесточению в этой части, однако и тут имеются любопытные особенности. Данная тема в России стала (наряду с борьбой против детской порнографии) одной из немногих площадок консолидации «системных» политических сил буквально по всему спектру. Партии хором требуют всё большего ужесточения репрессивных мер, Общественная палата РФ выступает за введение химической кастрации педофилов, Сергей Миронов предлагает давать за

подобные преступления пожизненное заключение, а Госдума рассматривает закон, полностью отменяющий условно-досрочное освобождение для осужденных по соответствующим обвинениям. Исполнительная власть, надо признать, пока сдерживает³ рвение правоохранительных органов и законодателей, но общество явно готово поддержать и куда более суровые меры. Так, после истории с бывшим боксером Александром Кузнецовым, забившим до смерти человека, напавшего на его сына⁴, общество в целом поддержало суд Линча — возникли даже общественные комитеты в поддержку спортсмена. Когда выяснилось, что Кузнецов — рецидивист, его поддержка снизилась, однако суд все равно назначил ему весьма мягкое наказание (два с половиной года строгого режима), — особенно если принять во внимание тот факт, что осужденный сам и был единственным свидетелем попытки нападения на его ребенка.

История с Кузнецовым — не первая, в которой российские граждане выражают позитивное отношение к самосуду в тех случаях, когда речь идет о детях-жертвах. Точно такая же реакция, к тому же поддержанная государственной пропагандистской машиной, имела место и при возвращении на родину Виталия Калоева, убившего швейцарского авиадиспетчера, ответственного за катастрофу над Боденским озером 1 июля 2002 года. Калоев, чьи жена и дочь погибли в этой катастрофе, посчитал, что суд отнесся к виновнику чересчур благосклонно и 25 февраля 2004 года собственноручно зарезал диспетчера Петера Нильсена. Калоев был освобожден досрочно, прокремлевские молодежные движения встречали его в аэропорту как героя, а позже он был даже назначен заместителем председателя Комитета по градостроительству и

архитектуре в правительстве Республики Северная Осетия — Алания.

С другой стороны, массмедиа исправно снабжают читателя статьями с заглавиями «Школьники четвертого и седьмого классов заживо вскрыли пенсионера, чтобы понаблюдать за работой внутренних органов» или «Школьники изжарили бомжа на Вечном огне в самом центре города», а МВД не менее исправно выражает обеспокоенность ростом детской преступности⁵.

Эти и многие другие события порождают информационный поток, подробный анализ которого не входит в задачу данной статьи, однако общее ощущение от него может быть описано довольно кратко: очевидно, что и власть, и общество испытывают, сталкиваясь с проблемами детства и семьи, растерянность, непонимание, страх и сильную тревогу. Этот набор эмоций образует худшую из возможных основ для принятия рациональных решений. Пока все происходящие трансформации законодательства находятся в целом в рамках общественного консенсуса. Однако противоречивость объекта действий (то есть ребенка), который оказывается одновременно и чудовищем, не ведающим добра и зла, и предельно незащитным существом, которого следует всеми силами ограждать от недобросовестных родителей, педофилов, растлевающего влияния Запада, наркотиков и бог знает чего (и кого) еще, в сочетании с давлением общества, требующего принятия самых решительных мер, делает нынешнюю ситуацию крайне неустойчивой. Общество (а за ним и государство) постоянно рискует сорваться в истерику.

Дело Сандры

Дело Сандры (Александры) Зарубиной, переданной португальским судом ее биологической матери Наталье Зарубиной, является в некоторых отношениях центральным «детским случаем» прошедшего года: в этом

деле сошлись почти все аспекты соответствующей проблематики. Напомним вкратце суть дела. Наталья Зарубина находилась на территории Португалии в качестве нелегального иммигранта. Там она встретила гражданина Украины Георгия Циклаури, от которого и родила дочь. Через некоторое (весьма короткое) время Зарубина написала расписку, в которой отказалась от ребенка, а португальский суд передал опеку над девочкой семье Жоау Пиньейру и Флоринды Виейра, которые и воспитывали Сандру до начала 2009 года. Затем суд принял решение о депортации Натальи Зарубиной, а поскольку согласно португальскому законодательству

целенаправленной политикой европейских стран — тем более что в большинстве этих стран судебная власть вполне независима, — а скорее сложным сочетанием факторов, включающим в себя и отличные от российских семейное законодательство и практику правоприменения: так, мы знаем, что случаи передачи родительских прав отцу, а не матери в российских судах единичны, а в Европе и США это обычное дело. Играет свою негативную роль и неблагоприятный (соответствующий или не соответствующий действительности — в данном случае не обсуждается) образ России в глазах европейцев, в частности, как страны, в которой нет незави-

“В русской блогосфере осуждали португальский суд, принявший решение о депортации Сандры Зарубиной, и российское государство с его пропагандистским шоу”.

нельзя депортировать мать отдельно от ребенка, Сандру «вернули» на родину.

В Португалии это решение суда вызвало возмущение общественности — вплоть до того, что прозвучали глухие обвинения судьи в коррумпированности. Была образована некоммерческая организация «Сандра», целью которой было заявлено возвращение девочки в Португалию. Врач-невролог русского происхождения Александр Афанасьев, инициировавший создание ассоциации, даже публично сжег свой российский паспорт, сообщив, что отказывается от двойного гражданства⁶.

Как правило, европейские суды в подобных случаях склонны передать ребенка родителю, живущему в Европе (см., например, предшествовавшую сюжету с Зарубиной не менее громкую историю Ирины Беленькой, делившей ребенка с французским мужем до тех пор, пока французский суд не встал на его сторону и не начал уголовное преследование его бывшей жены). Это объясняется не

симых судов. И наконец, нельзя сбрасывать со счетов иной подход к правам ребенка, подразумевающий сравнительно большее, чем в России, значение этих прав в конфликтных ситуациях. Именно поэтому решение европейского суда вызвало в случае с Зарубиной такое недоумение в Португалии. Кажется, не обошлось и без прямого политического давления: по крайней мере, девочка (небывалое дело!) была передана вице-консулу российского посольства непосредственно в зале суда.

Российская пропагандистская машина работала все это время на полных оборотах, превращая дело из заурядного для европейской юстиции случая в показательные патристические выступления на тему «русские дети должны жить в России». В новостных программах рассказывали о том, как российское государство защитило несчастную мать, у которой едва не отняли ребенка, но благодаря дипломатическим усилиям российской стороны справедливость восторжествова-

ла и т. д. Сутью кампании было представление нелегальной жительницы Португалии в виде архетипической для советской пропаганды фигуры Родины-Матери. Зарубина предстала зрителю в качестве символа новейшей России, сперва мыкавшей горе на чужбине (читай – в попытках усвоить западную ценностную систему), хлебнувшей горя, чуть не потерявшей ребенка (читай – будущее), но благополучно вернувшейся на родину благодаря опеке Правительства, выступающего здесь в качестве отеческой, патерналистской фигуры. Такую же линию пропаганда пыталась проводить и в других случаях (Элиза Андре, дочь Ирины Беленькой, «похищение» Антона Салонена), но там дело осложнялось наличием отцов, не позволявшим развернуть метафору в полную силу. Циклаури же, отец Сандры, отсутствовал в картине с самого начала.

Весь сюжет казался поначалу невероятно выгодным с пропагандистской точки зрения, по крайней мере, у девочки, в отличие от дочери Ирины Беленькой Элизы или от Антона Салонена, не было европейского отца, чьи права хотя бы теоретически следовало учитывать. Дело, однако, обернулось совсем иначе.

Резким поворотом в истории с матерью и дочерью Зарубины мы обязаны съемочной группе телеканала НТВ, освещавшей «возвращение» девочки в Россию (о возвращении тут можно говорить только в кавычках, так как девочка родилась в другой стране; термин «репатриация» был бы более подходящим, но его в проправительственных медиа, насколько мне известно, никто не употреблял). На бравурный патриотический текст корреспондент телеканала наложил – то ли сознательно, то ли по недосмотру – совершенно не подходящую для торжественного случая картинку: Наталья Зарубина грубо обращалась с ребенком, прямо в эфире было продемонстрировано, как она дала Сандре

подзатыльник. Кроме того, судя по несвязной речи, Зарубина была пьяна.

На этом месте машина дала сбой, и суггестивное отождествление Зарубиной с Родиной-Матерью обернулось против авторов пропагандистской кампании. Сюжет быстро оказался на *YouTube* и вызвал бурю возмущения в русской блогосфере. Возмущение это, с одной стороны, вылилось в сбор подписей за возвращение Сандры в Португалию, а с другой – в ряд дискуссий, обнаживших отсутствие общественного консенсуса в подобного рода вопросах. В основном участники полемики осуждали португальский суд, принявший решение о депортации, и российское государство с его пропагандистским шоу. Раздавались между тем и отдельные голоса, справедливо предлагавшие рассматривать проблему в более широком контексте: а что, если бы на месте португальских опекунов были российские, но просто более благополучные? Что, если бы проблема не осложнялась тем фактом, что к моменту депортации в Россию Сандра в культурном смысле уже не была русской девочкой (ребенок говорил только по-португальски)? Что, если бы в России девочку ждала не деревенская жизнь в доме без центрального отопления, а лучшие условия? Реакция блогосферы на дело Зарубиной важна именно в этих двух аспектах.

Во-первых, оказалось, что когда речь идет не об абстракциях, а о конкретной девочке, которая полчаса плачет в машине приемных родителей и говорит прямо, что не желает возвращаться в Россию, обычный для российского информационного поля садистический импульс отступает, и на смену ему приходит пусть эмоциональное, но обдуманное, но требование руководствоваться интересами ребенка. Это чуть ли не первый прецедент подобного рода за последние несколько лет, свидетельствующий, на наш взгляд, о падающем доверии к государствен-

ной пропаганде и об определенном повороте части общественного мнения.

Во-вторых, важно и то, что нашлось достаточное число трезвых голосов, готовых пойти дальше и рассмотреть проблему системно, выйти на уровень обобщающих рассуждений о степени допустимости государственного вмешательства в частную сферу, какой является семья. Именно эта проблема окажется ключевой в спорах о ювенальной юстиции, которые наберут силу к концу года.

Дело Зарубиной оказалось, хочется думать, последним громким казусом подобного рода (хотя уже сейчас складывается

О том, что подобные дела решено пока не использовать в пропагандистских целях, косвенно свидетельствует, например, то, что инцидент с Антоном Салоненом, чьего его отец Пааво Салонен вывез при содействии сотрудника финского консульства из России полулегальным (законным с финской точки зрения, но незаконным — с российской) способом, а также обещавший стать не менее громким случай Бориса Дробачевского, вывезшего в Израиль своего шестилетнего сына Яна, были спущены на тормозах¹⁰. Поутихли в последнее время и споры о проблеме усыновления детей иностранцами, время от времени подогревав-

“Декларируется, что только российское государство может выступить «гарантом соблюдения прав» русских детей, усыновленных иностранцами”.

не совсем понятная ситуация вокруг Инги Рантала⁷, живущей в Финляндии гражданки России, у которой органы опеки отобрали ребенка, правда, пропагандистский накал несравним с прежними случаями). Уж слишком плачевны для всех без исключения действующих лиц оказались его результаты. О самой Сандре говорить излишне. Наталью Зарубину то и дело привлекают к ответственности⁸ за ненадлежащее отношение к воспитанию детей, дебоширство и пьянство. Реальным опекуном девочки оказалась ее бабушка, отвергнувшая⁹ летом прошлого года предложение о переезде всей семьи в Португалию. Об ущербе, нанесенном репутации российских властей, введивших португальскую сторону в заблуждение относительно условий, в которых предстоит жить девочке, не приходится и говорить. Трудно представить себе, что еще хотя бы один процесс подобного рода за границей закончится в пользу родителя — гражданина России.

шиеся сообщениями о гибели таких детей в тех или иных бытовых обстоятельствах. Напомню, что после того, как в июне 2008 года в США погиб двухлетний Дмитрий Яковлев, оставленный приемным отцом на солнцепеке в закрытой машине, в российских медиа и блогосфере прокатилась волна возмущенных откликов откровенно антизападного характера, а Министерство образования и науки РФ закрыло некоторые организации по усыновлению¹¹. Однако вопреки предложениям представителей общественности, среди которых оказался, в частности, писатель Сергей Лукьяненко, процесс усыновления российских детей иностранцами продолжается, а в том, что касается именно США, двусторонняя комиссия готовит проект отдельного международного соглашения в этой сфере. Более того, последний сюжет подобного рода — гибель семилетнего Ивана Скоробогатова от рук американских усыновителей, вызвал весьма взвешенную реакцию. В частности, в «Ведомостях» появилась

редакционная статья «Учет слезинок»¹², основной смысл которой сводится к тому, что российским политикам и новому детскому омбудсмену следовало бы обращать больше внимания на гибель детей в России.

Дело Зарубиной обнажило два важнейших проблемных узла в сфере отношения российского государства и общества к детям.

Первый — стремление государства использовать проблемные случаи в целях пропагандистской консолидации нации на основе антизападных настроений. Это, разумеется, всего лишь частный случай более общего подхода к правам личности. Важно, однако, что сопротивляемость общества такой деятельности оказалась, что удивительно, выше ожидаемой. В принципе тот же подход государство демонстрировало и в случае усыновления российских детей иностранцами — но, к счастью, в основном на уровне риторики. Конкретные действия ограничивались некоторым ужесточением правил, закрытием отдельных организаций, но общий подход к процессу остается (сравнительно с запросами радикальной части общественности) довольно мягким. Жесткость на уровне риторики, пожалуй, была характерна и для случаев с детьми от смешанных браков, — однако дело Зарубиной показало, что общество, собственно, и готово принять только *риторическую* жесткость¹³.

Второй узел — степень допустимости вмешательства государства в жизнь семьи и вообще в частную жизнь. Россия только что столкнулась с теми вызовами в этой сфере, с которыми западным странам пришлось иметь дело еще в 1930-е годы, на волне массовой миграции общества и распада (в той или иной степени) традиционных структур — семьи, малых территориальных сообществ, церковных приходов и т. д. Этот ключевой для определения приоритетов политики в области детства аспект мы рассмотрим ниже.

«Защита беззащитного»

Один важный аспект отличает сюжеты с детьми вроде Сандры Зарубиной от сюжетов с усыновлением детей иностранцами. Если в первом случае преобладающим оказывается патриотический дискурс, замешанный даже не на культурном, а на этническом национализме¹⁴, то в случае с усыновленными иностранцами детьми главным оказывается дискурс «защиты беззащитного». Декларируется (во всяком случае, на уровне риторики), что только российское государство может выступить «гарантом соблюдения прав» русских детей, усыновленных иностранцами. С одной стороны, эта риторика является очевидным образом лживой: российское государство не в состоянии гарантировать соблюдение прав даже тех детей, что полностью находятся в его юрисдикции (об этом провале в пропагандистской аргументации во второй половине 2000-х неоднократно писали российские публицисты — и либеральные, и не очень). С другой — она крайне показательна для государственной политики в области детства в целом. «Защита беззащитного» является здесь ключевым концептом, а сама «беззащитность» — тем обстоятельством, которое оправдывает поистине драконовские меры: и химическую кастрацию, и регулярно предлагаемое возвращение смертной казни в УК¹⁵, и такое очевидное ограничение гражданских прав, как «комендантский час» для подростков.

Если отвлечься от того, насколько необходима защита детей средствами, которые имеются в распоряжении правительства, обладающего широкими полномочиями в области регулирования частной и общественной жизни, даже если забыть о наиболее радикальных предложениях партий и общественных групп в этой области, то легко заметить, что риторика «защиты беззащитного» используется в тесной связке с репрессивными мерами. Так, основным предметом гордости в отчетном докладе орг-

комитета «Года семьи» в России является то, что «за различные правонарушения к административной ответственности привлечено 27 тыс. родителей и иных взрослых лиц, к уголовной — 1,7 тысячи человек»¹⁶. Ясно, что перед нами всего лишь частный случай сделки «свобода в обмен на безопасность», обычно приводящей к тому, что негосударственная сторона таких отношений лишается как свободы, так и безопасности. И здесь этот механизм доступен наблюдению во всех его деталях. Публичный политик даже в России может выступать за отмену наиболее одиозных юридических норм в области безопасности или, как это делает российская внесистемная оппозиция, настаивать на том, что борьба с экстремизмом служит не столько делу безопасности, сколько восстановлению контроля над всеми областями общественной жизни. В принципе, как показывает практика, даже наркополитика государства может подвергаться публичной критике — пусть и маргинальными фигурами. Однако, как только речь заходит о политических (или экономических) мерах, направленных на «защиту беззащитного» (а в российской практике это, как правило, именно ребенок; инвалиды, пациенты психиатрических клиник и иные «беззащитные» почти не включены в публичный дискурс и, насколько можно судить, до недавних времен даже отторгались им — подробнее об этом см. в статье Светланы Королёвой и Алексея Левинсона на с. 42–60), тут же воцаряется совершенно нехарактерное для российской политической жизни единодушие: за крайние репрессии выступают решительно все.

Нельзя сказать, чтобы эта ситуация не имела никаких социальных оснований. По данным Следственного комитета при Прокуратуре РФ, «в 2008 году жертвами преступного насилия в России стали 126 тыс. детей, погибли только от преступлений 1914 детей, 2330 детей подверглись насилию, им

был причинен тяжкий вред здоровью. <...> Только за девять месяцев прошлого года было выявлено 784 случая сексуальных действий в отношении несовершеннолетних. В розыске находилось 12,5 тыс. детей»¹⁷. Федеральное агентство по делам молодежи, кроме того, насчитало в стране от двух до пяти миллионов беспризорников, которые, впрочем, обычно проходят у правительства по другой части, считаясь не столько жертвами, сколько источником детской/подростковой преступности.

Эта статистика делает детей главными жертвами современного общества преимущественно в том случае, если ее рассматривать без контекста: преступность, направленная на детей, высока постольку, поскольку в России высок общий уровень преступности. В 2006 году Россия занимала первое место в мире по числу убийств¹⁸. В последние годы, согласно официальной статистике, число убийств снизилось, Россия переместилась вниз по списку, оказавшись более безопасной страной, чем Индия, США и ЮАР, однако некоторые, как, например, бывший начальник российского бюро Интерпола Владимир Овчинский, считают резкое улучшение отчетности следствием манипуляций со статистикой¹⁹. Так, последний утверждает, что РФ по числу убийств занимает второе место в мире. Ежегодно 14 тыс. женщин в России погибают от рук мужей²⁰. Не сказать, чтобы приведенные цифры были менее пугающими, тем не менее по вопросу о преступности в обществе в целом такого широкого консенсуса в пользу репрессий не наблюдается. Впрочем, недавнее истечение срока моратория на смертную казнь вызвало множество комментариев сходного рода. В частности, вице-спикер Государственной думы Любовь Слиска сказала даже, что готова «пойти в храм и поставить свечку, чтобы в нашей стране была восстановлена смертная казнь»²¹, притом далее в ее высказывании возникают и «убийцы детей».

Впрочем, даже если оставить в стороне методы составления отчетности МВД, что вполне достойно отдельной статьи, невооруженным глазом заметен удивительный факт: все показатели преступности за последние три года, по официальным данным, падают, а число преступлений против детей растет. МВД заявляет, что за четыре года (с 2004-го по 2008-й) цифра зарегистрированных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних возросла в 25,6 раза²². Отчасти это, видимо, связано с более или менее неотрефлексированным усвоением западных (особенно американских) тенденций: в последние годы наказа-

бы накала ни достигала антиамериканская риторика, США продолжают выполнять для России роль единственного внешнего референта, «Большого Другого»²³, и ужесточение американской политики в области преступлений против детей определенно дает российскому обществу и государству право на радикальные меры в этой области. Однако причина радикализации — не в этом.

Российское общество сталкивается в последние 20 лет с огромным множеством проблем, для которых у него нет методов решения. Единственным ответом на разного рода вызовы, постоянно (а не эпизодически) обсуждаемые публично, оказывается повы-

“Как только речь заходит о мерах, направленных на «защиту беззащитного», тут же воцаряется нехарактерное для российской политической жизни *единодушие*”.

ния за то или иное насилие над детьми (не обязательно сексуальное) всё ужесточаются, а в обществе в целом возникла атмосфера, пусть и не достигшая еще градуса «охоты на ведьм», но довольно близкая к этому. Автор собственными глазами видел в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе рекламные плакаты одной из общественных организаций, специализирующихся на защите детей. Они призывают смотреть в оба: «Если вы видите, что человек странно ведет себя с детьми, а значит, он, скорее всего, — педофил, звоните по телефону 1-800...» Уже не насильственные действия, а типичные «преступления без потерпевшего» вроде хранения порнографии (в том числе текстовой и рисованной) — если речь идет о продукции, содержащей изображения детей, — наказываются огромными сроками и последующей пожизненной, вне зависимости от назначенного срока, социальной стигматизацией. Рассмотрение причин этого явления выходит за рамки данной статьи, тем не менее сама тенденция очевидна. Какого

уровня государственного насилия до максимально возможного: восстановление смертной казни, отмена УДО, увеличение сроков заключения и т. д. Ужесточение репрессий оказалось, например, чуть ли не единственной реакцией на проблемы, связанные с употреблением наркотиков: нынешние российские законы карают, по сути дела, за употребление, а не за распространение наркотических веществ, запрещены программы «снижения вреда» и т. д. При этом готовность общества применять в таких случаях насилие даже выше, чем у государства: родители сами сдавали подростков в «клинику» екатеринбургского фонда «Город против наркотиков», где тех подвергали различным видам насилия в целях излечения от наркомании — миф об эффективности этой методики оказался, судя по возникающим в последние годы в блогосфере дискуссиям, крайне живучим. Здесь следует вспомнить и уже упоминавшийся выше факт: часто в рассуждениях о педофилах и вообще преступлениях

против детей возникает образ «суда Линча», причем с позитивными коннотациями.

Подобные выплески «репрессивного сознания» характерны для обсуждения практически всех сколько-нибудь новых для России видов преступлений. В той или иной степени всему российскому законодательству свойственна избыточная репрессивность. В последние годы это, по всей видимости, связано с невозможностью обеспечить неотвратимость наказания — именно несистематичность наказаний отчасти компенсируется их декларируемой жесткостью.

Преступления против детей с их непривычной для общества жестокостью оказываются легитимирующей рамкой для запроса на насилие в целом. «Защита беззащитного» предстает в России, как и во множестве западных стран, той областью, где возможен любой градус ответного насилия. В этот канал устремляется вся ограничиваемая международными и внутринациональными конвенциями агрессия. Борьба с педофилией и смежными (в той или иной степени) явлениями — это как раз та сфера, в которой общество чувствует себя «в своем праве» и готово применять средства, казалось бы, уже исключенные из правового арсенала. Недаром Слиске, чтобы подкрепить необходимость возврата к смертной казни, потребовалось упомянуть «убийц детей»: без этого всякое такое требование выглядит в наши дни недостаточно убедительным и, можно сказать, не совсем цивилизованным. Сошлемся на Совет Европы. Когда там речь заходит просто об убийцах и насильниках, вполне уместным кажется обсуждение вопроса о том, снижает ли смертная казнь уровень преступности вообще. Но как только упоминаются «убийцы детей», дискуссии приходит конец, включается эмоциональная логика, которую можно кратко выразить словами: «Какой Совет Европы? Это же НАШИ ДЕТИ! Расстрелять как бешеных собак!»

Все вышесказанное не отменяет того, что положение дел с насилием против детей в России действительно неблагополучно и требует реакции, правда, в основном общественной, а не государственной. Однако дело в том, что общество испытывает перед этой проблемой страх, парализующий рациональную рефлексию и поиски эффективного решения. Кроме того, осознанно или нет, государство пестует такой иррациональный страх, тем самым «выпуская пар» и канализируя агрессию (см. отмеченное выше противоречие в милицейской статистике: возрастание количества зафиксированных преступлений против детей на фоне снижения преступности в целом), что совпадает с целями нынешних политических элит России.

Аналогичные или близкие по смыслу тренды действуют сегодня в большинстве развитых демократий, однако в России выплески коллективных эмоций по поводу «защиты детей», пожалуй, в наименьшей степени из всех западных стран корректируются сколько-нибудь аргументированными выступлениями экспертов, публичных интеллектуалов или иных общественно значимых фигур, дискуссиями в медиа и т. п.

Трикстер

Оборотной стороной образа ребенка как ультимативного объекта защиты является представление о нем как о трикстере, способном на поступки, выходящие по своей жестокости далеко за пределы обычных преступлений. Наряду с требованиями ужесточения законодательства против педофилов и потребителей детской порнографии, прокуратура и СКП в последнее время регулярно высказывают озабоченность растущей подростковой и детской преступностью. Так, весной прошлого года первый заместитель генпрокурора Александр Буксман приводил депутатам Госдумы такие цифры за 2008 год: «Сами несовершеннолетние в прошлом году

совершили около 117 тыс. преступлений. При этом ими совершено 500 убийств... Несовершеннолетние стали виновниками 13,5 тыс. грабежей и почти 46,5 тыс. краж чужого имущества»²⁴.

Эта сравнительно сдержанная речь не идет ни в какое сравнение с тем, как соответствующие новости подаются в средствах массовой коммуникации. Вот всего несколько заголовков из криминального раздела одного из самых уважаемых российских новостных сайтов: «На Урале подростки зарезали мужчину за похвалу, а потом надругались над трупом из любопытства», «В Иркутске школьники из банды “Магия

по вышеописанным причинам — неуместно, общество оказывается в патовой ситуации.

Государственные органы уповают в этой связи на более активную политику²⁶ по защите прав детей, подразумевая, что дети становятся преступниками *от недосмотра*: дескать, если передать детей от недобросовестных родителей под присмотр, к примеру, государства или его образовательных учреждений, то ситуация изменится к лучшему. В том, что касается пенитенциарной системы, государственные предложения состоят в введении ювенальных судов и в отмене содержания несовершеннолетних в колонии. Не согласиться с этим вроде бы трудно, однако и

“Преступления против детей с их непривычной для общества жестокостью оказываются легитимирующей рамкой для запроса на насилие в целом”.

крови” пытали и убивали людей “ради смеха”: 8 жертв», «В Томске 12-летние школьники стали серийными убийцами после просмотра фильма “Молчание ягнят”». Заголовки специально не отбирались, а были взяты просто в порядке следования. Трудно не заметить, что основная эмоция здесь — все тот же иррациональный страх (или страх иррационального), о котором шла речь выше. Только теперь это страх не за ребенка, а *перед* ним.

На словах в России редко призывают к ужесточению наказаний для детей и подростков: возможно, некоторый иммунитет обеспечивает опыт сталинской «юстиции» в этой сфере, пусть и неотрефлексированный и непроговоренный²⁵. На деле же, поскольку никаких других ответов на новые вызовы такого рода (а для людей, выросших в хрущёвском и брежневском СССР, детская преступность — это сравнительно новое явление), кроме ужесточения репрессий, у российского общества нет, а призывать к ним в данном случае было бы — во многом

эти инициативы встречают сопротивление общества, в основном представителей его правоконсервативной части: православной церкви, крайних националистов из ДПНИ и других. Причем в этом, казалось бы, важном для общества вопросе никакой альтернативной повестки дня оно сформировать не способно: РПЦ и национал-традиционалисты предлагают, чтобы все оставалось «как при бабушке», но ужесточений при этом тоже не требуют, протестуя скорее не против введения ювенальных судов, а против расширения прав государства по вмешательству в дела семьи.

Таким образом, государство предлагает в целях борьбы с подростковой преступностью поставить детей и семьи под больший, чем сегодня, контроль, одновременно воспользовавшись западным опытом по гуманизации наказаний и постепенной замене их реабилитационными мерами. Общество же не предлагает ничего. И тот и другой факт свидетельствует, по-видимому, о глубокой рас-

терянности перед лицом заявивших о себе вызовов и о кризисе новых подходов.

Полагаю, что эта растерянность вполне оправдана: введение ювенальных судов в России (при том что эта мера необходима хотя бы в целях отделения детей и подростков от нынешней чудовищной пенитенциарной системы) едва ли способно сколько-нибудь кардинально повлиять на проблему детской (подростковой) преступности. Точно так же расширение права государства вмешиваться в дела семьи не способно в долгосрочной перспективе привести к большей защищенности детей, а там, где способно, плата окажется чрезмерно велика.

“Достоверной картины молодежных субкультур нет даже у весьма продвинутых взрослых, а уж у школьных педагогов и околообразовательной бюрократии — тем более”.

Корни подростковой преступности не в последнюю очередь связаны с состоянием школьного образования. Степень консерватизма российской школьной системы давно уже зашкаливает. Несмотря на постоянное публичное обсуждение (и осуждение) образовательных реформ, таких как введение ЕГЭ, школа остается в значительной мере такой же, что и двадцать или тридцать лет назад. Кстати, с этим в какой-то мере связана и болезненная реакция на демонстрируемый Первым каналом сериал Валерии Гай Германики «Школа». Представители государственной власти, впрочем, отреагировали на него привычным способом, а именно желанием подменить реальность пропагандой: Борис Грызлов предложил снять альтернативный сериал, в котором будет представлен «позитивный образ учебных заведений»²⁷. Что касается системы среднего специального образования, то его положение, насколько можно судить, еще хуже, чем состояние общеобразовательной школы²⁸. Последней серьезной реформой школьного

образования была легализация частных школ, а предпоследней — введение совместного обучения мальчиков и девочек.

Система частных школ могла бы серьезно исправить положение, но она требует гибкого подхода к образовательному стандарту (или отмены такого стандарта), а к борьбе за такую отмену общество, только-только ушедшее от тотальной регламентации, оказалось не готово. Напротив, ужесточение стандартизации образования, произошедшее в 2000-х годах, сопровождалось рядом скандалов, но не вызвало сколько-нибудь последовательно сопротивления в среде педагогов и родителей. Ситуация с высшей школой в этом

смысле лучше: здесь частные заведения образуют вместе с государственными значительно большее число ниш, рассчитанных на самых разных учащихся с разными склонностями²⁹. Школьная же образовательная система, по крайней мере за пределами столиц, унифицирована и является по своей сути принудительной: родители, по закону, *обязаны* отдавать детей в школу, дети *обязаны* учиться по определенным учебникам и изучать определенный набор предметов.

Более того, низкая оплата учителей в государственных школах приводит к вымыванию квалифицированных кадров, а немногим энтузиастам-бессребреникам кислород перекрывают надзорные инстанции. Жесточайшая регламентация частных школ, невозможность для них (из-за несвободного рынка недвижимости и аренды) получить пристойные и недорогие помещения препятствуют развитию и этого образовательного сектора. Зачастую в школах правила устанавливают методисты советской закалки, являю-

щиеся в гораздо большей степени функционерами образовательной бюрократии, чем собственно педагогами. Телеологически школа ориентирована, как любое государственное учреждение, не на результат, то есть развитие ребенка, а на процесс³⁰ — в данном случае на выполнение инструкций. Избыточные же дисциплинарные меры ведут к сверхнеобходимому подавлению агрессии, которая в результате находит выход в уличной подростковой преступности. Россия, к сожалению, все чаще апеллирует в области государственных школ к опыту неблагополучных округов в США, где государственные школы в социально-конфликтных районах по уровню охраны больше похожи на тюрьмы. Однако такой подход является безадресным и неэффективным для России, в которой почти нет гетто, то есть районов с воспроизводящейся преступностью, территории до сих пор социально не слишком сегрегированы (исключением являются некоторые большие и наиболее кризисные моногорода); нет у нас и уличных банд с такой развитой инфраструктурой, как в США или, скажем, в иммигрантских округах Франции. Заключение детей и особенно подростков на большую часть дня в заведение, где дисциплинарные функции зачастую преобладают над образовательными и развивающими, не приводит к снижению преступности. Никакой особенной «улицы», из лап которой следовало бы вырвать среднестатистического ребенка, в стране, в общем-то, нет.

Последнее утверждение хотелось бы пояснить подробнее. Развитая криминальная инфраструктура, насколько можно судить, сложилась в СССР во время Второй мировой войны и действовала многие годы после ее окончания, постепенно трансформируясь и сливаясь с «остальным обществом» (в крайне мифологизированном виде память о такой инфраструктуре конца 1940-х представлена в сериале «Место встречи изменить нель-

зя»). В подростковой среде вовлечение в эту инфраструктуру поддерживалось крайней скученностью людей, нищетой, уголовной романтикой низового фольклора и массовым ощущением того, что «все сядем, неважно за что». Вот от этой-то уже не существующей «улицы» конца 1940-х — начала 1950-х и «спасают» школьников наши педагоги. Отчасти в последние годы сюда добавился и традиционный страх перед неформальными культурами вроде «эмо» и «готов», которые у родителей вызывают страх просто потому, что они ничего об этих культурах не знают, а у властей — потому что они боятся любых неподконтрольных и, главное, самопроизвольно возникающих сообществ. Информационный же фон формируют не профессиональные эксперты в соответствующих областях, а СМИ, в криминальной хронике которых то «эмо» жарят «готов» на костре, то «готы» пьют кровь из «эмо», а потом все вместе идут отнимать «кавайные няшки» у антифашистов, за которыми в это же самое время охотятся скинхеды. По большей части никакой достоверной картины молодежных субкультур нет даже у довольно продвинутых взрослых, а уж у школьных педагогов и околообразовательной бюрократии — тем более. Как и во многих других областях жизни современной России, знание о действительном положении дел замещается мифом, который и служит основой для последующего принятия решений.

Следует помнить еще и то, что рынок труда в России довольно сильно дерегулирован (особенно в крупных городах), что несколько демпфирует преступность: в обход или в нарушение Трудового кодекса школьники могут быть приняты на работу в качестве неквалифицированной рабочей силы в интернете (работа по продвижению и др.), а то и на вполне офлайновые разовые или регулярные работы. Страшно подумать о том, что произойдет, если новая

детская политика приведет к более строгому соблюдению трудового законодательства. Вышеприведенные аргументы (возможно, слабые и недостаточные) обсуждаются в России очень редко.

Тесно смыкаются с детской подростковой преступностью и проблемы детских домов-интернатов (ДДИ), о которых речь пойдет далее.

Между Большим Братом и атомизированным обществом

Сетования на атомизированность общества в нынешней России стали уже общим местом. Но и западные общества еще в 1930-е столкнулись с процессом упрощения и деградации довольно сложной системы горизонтальных социальных связей. В США и Западной Европе такое упрощение социальных структур оказалось, если посмотреть на дело ретроспективно, частью платы за построение государства всеобщего благосостояния: распад института семьи в том виде, в каком он существовал до 50-х годов прошлого века, был вызван не изобретением гормональных противозачаточных средств или появлением подгузников и стиральных машин (благодаря которым у женщин, как утверждают, высвободилось время для того, чтобы заняться карьерой). Причиной трансформации институтов, казалось бы, базовых, неизменяемых, стало появление пенсионной системы и вообще развитой системы социальных выплат. В значительной степени аналогичный процесс подстегнул и трансформацию СССР. Стоит, наверное, напомнить, что до 1950-х пенсионная система в Советском Союзе не существовала³¹. Государственное социальное обеспечение отправило в утиль менее технологичные, но куда более разнообразные системы частных благотворительных трансфертов и касс взаимопомощи³², обеспечивавших функционирование всевозможных больших и малых структур.

Вся система *foster care* и ювенальной юстиции в Европе и США является детищем компромисса между либеральными принципами и государством всеобщего благосостояния. «Неблагополучные семьи», потребовавшие в отношении себя постоянного надзора за соблюдением прав детей, стали *массовым* явлением после создания воспроизводящей бедность системы соцобеспечения.

В России дела, впрочем, обстоят иначе. Распад, а точнее, разрушение низовых структур гражданского общества произошло раньше, в 1920-е. В послевоенном же СССР доля государства в социальных трансфертах достигала почти ста процентов, так что и распад горизонтальных структур оказался гораздо более полным. Был выстроен гигантских размеров государственный протез, симуляция горизонтальных структур, распавшийся в одночасье после того, как прекратил функционировать аппарат принуждения. Именно части этой системной симуляции и вспоминают сегодня с ностальгией депутаты, занятые детской политикой: кружки, секции, пионерская организация...

Время от времени предпринимаются даже попытки воссоздать подобные институты. Сами по себе эти попытки ничем не плохи (и не хороши), но сколько-нибудь всеобщая, масштабная, унифицированная система таким способом создана быть не может: для этого требуется восстановление тотального государственного контроля.

Основная часть насилия (сексуального и иного) совершается сегодня и в России, и в других странах в рамках семьи. По разным оценкам, от 30 до 60 проц. детей, переживших сексуальное или иное насилие, пережили его в семье, еще 20 проц. случаев приходится на школу и детские организации. Статистические данные довольно туманны, доступ к ним затруднен, но уже упомянутые выше данные о 14 тыс. женщин, погибающих ежегодно от рук мужей в России, свидетель-

ствуют об уровне домашнего насилия вполне красноречиво. Убийства — только верхушка айсберга, которая уже никак не может быть скрыта в отчетах МВД: труп есть труп. Что находится в основании этого айсберга — остается только догадываться.

В целом ситуация такова, что наиболее вопиющие, заметные для массмедиа преступления — серийные убийства и насилие в отношении детей — совершаются вне семьи, хотя зачастую внутри тесных локальных социальных структур — поселков, небольших городов и т. д. Таким образом, у широкой публики (включая депутатов Госдумы) складывается искаженная картина происходяще-

решение британского правительства, и реакция на него партийной бюрократии, причем не лейбористской, а консервативной («Это всё слишком мало и слишком поздно», — заявил министр внутренних дел теневого правительства тори Крис Грейлинг), чрезвычайно показательны и могут быть описаны как крайний вариант сделки «свобода в обмен на безопасность». Заметим, что эта сделка заключается не между домохозяйством, где устанавливается камера наблюдения, и государством, а между «обществом в целом» и государством. Сходную сделку предложила американскому обществу Хиллари Клинтон в своей давней, в 1990-е годы

“В послевоенном СССР доля государства в социальных трансфертах достигала почти ста процентов, так что и распад горизонтальных структур оказался более полным”.

го. Люди же, имеющие доступ к достоверной информации, видят, что предпосылкой снижения уровня насилия в отношении детей является снижение уровня насилия в семье и школе. Именно этим объясняется то, что в рамках пилотных проектов по внедрению ювенальной юстиции в российских регионах основное внимание уделяется контролю государства над тем, что происходит в семьях, и именно этот контроль вызывает наибольшее неприятие критиков ювенальной юстиции из церковной и национал-традиционалистской среды.

Летом прошлого года по лентам информационных агентств прошло сообщение, что власти Великобритании планируют ³³ установку круглосуточных камер наблюдения в квартирах, где живут «неблагополучные семьи» (всего предполагалось установить 20 000 камер), в целях снижения уровня домашнего насилия и обеспечения безопасности детей. Впоследствии информация была частично дезавуирована. Однако и

написанной книге «Дело всей деревни» ³⁴: здравая мысль, заключенная в американской поговорке «Воспитание ребенка — дело всей деревни», в ней доведена до полного абсурда, поскольку деревней объявляется «весь народ», а такое расширительное толкование слова «народ» *всегда* скрывает стоящее за ним государство.

Указанный международный контекст имеет отношение и к российской практике. Появление в школах детских омбудсменов и изменение законодательной базы — это, по существу, мягкий вариант установки камер слежения. Возражения против этих мер со стороны крайних национал-традиционалистов представляют собой причудливую смесь ³⁵ обвинений в адрес мировой закулисы (к которой причисляется даже ЮНЕСКО), алармистской истерии в стиле «это Россия не перенесет, от этого она погибнет безвозвратно» и ряда вполне прагматичных аргументов, вычленение которых представляет собой настолько неблагоприят-

ную работу, что шансов на то, что они будут услышаны, к сожалению, мало.

Аргументы эти таковы:

- Практика государственных выплат семьям, куда теоретически должны переезжать дети из неблагополучных семей, приведет к возникновению еще одного коррупционного рынка. Это и сейчас имеет место: известны случаи, когда детей-сирот забирают в семьи исключительно в целях получения пособия.
- При текущем уровне коррупции делегирование государству дополнительных полномочий по вмешательству в частную жизнь семей распространит практику шантажа населения представителями мелкой и средней бюрократии с частного бизнеса на уровень частной жизни.
- В целом внедрение ювенальной юстиции будет способствовать усилению общественного и юридического давления на многодетные семьи, не всегда имеющие возможность обеспечить необходимый по законодательству уровень душевого дохода.

К этим опасениям необходимо добавить и отсутствие в нынешнем российском законодательстве понятия «социальный патронат». Это означает, что единственной возможной реакцией на любое неблагополучие в родной или в приемной семье станет изъятие ребенка и помещение его в социальные учреждения (интернаты, детские дома и т. д.), общественный контроль за которыми в России заведомо недостаточен, а злоупотребления в них если не так же часты, как в пенитенциарной системе, то близки к этому, хотя разговор об этом в отсутствие достоверной статистики затруднен.

Эти возражения требуют осмысленного ответа со стороны общества или государства. Если введение ювенальных судов в целом не вызывает серьезного общественного протеста, то делегирование государству непонятно чем ограниченных прав вмешательства во

внутрисемейные дела вызывает законное беспокойство граждан. Известен уже по меньшей мере один случай политически мотивированного преследования посредством органов опеки: у Сергея Пчелинцева и его жены Лидии Бузановой отобрали троих детей³⁶ на том основании, что они не в состоянии их обеспечить. Пчелинцев хорошо известен в левых кругах Нижнего Новгорода, принимает участие в пикетах, в том числе в защиту уволенных работников ГАЗа и т. д. Схожая, но уже, видимо, политически немотивированная история произошла и в Санкт-Петербурге, где у Веры Камкиной отобрали четверых детей в буквальном смысле за долги³⁷: чиновники пообещали вернуть детей после того, как Камкина погасит долги за услуги ЖКХ. Примеры подобного рода можно приводить долго (иногда эти ситуации смыкаются с проблемами насильственной госпитализации, как в недавней истории с Софьей Ласточкиной³⁸), однако общая тенденция почти всегда одна и та же: делегирование новых существенных полномочий коррумпированным, некомпетентным и деградировавшим государственным структурам РФ ни к чему хорошему не приводит.

Вопросы относительно патроната вообще и мотивации патронатных семей в частности станут вскоре, к сожалению, не более чем риторическими. Новый федеральный закон «Об опеке и попечительстве»³⁹ не содержит в себе понятие патроната вообще, что уже привело к остановке⁴⁰ соответствующих программ, а впоследствии и к разгрому⁴¹ детского дома № 19 Марии Терновской, отработавшего систему передачи детей в патронатные семьи. Бенефициарами такого положения вещей являются учреждения, входящие в систему, которую председатель правления РОО «Право ребенка» Борис Альтшулер справедливо называет «Россиротпромом»: затраты на содержание одного ребенка

в детском доме, по некоторым оценкам, составляют около 120 тыс. рублей в год⁴², количество детей в детских домах в России сегодня — около 55 тыс.; таким образом, только на непосредственное содержание детей в год расходуется 6,6 млрд рублей. Приемным родителям платят в год на ребенка 72 тыс. рублей. Таким образом, если представить себе, что все детские дома будут закрыты, 2,64 млрд руб. из этой сферы уйдут. Разумеется, в ДДИ достаточно много профессиональных работников, которые найдут свое место и на свободном рынке

очень трудно, так как система непрозрачна, однако мало оснований полагать, что в этой сфере дела обстоят иначе, чем в остальных: «коррупционный налог» в разных сферах российской экономики составляет, по минимальным оценкам, от 10 до 25 процентов. Ясно и то, что трансферты отдельным семьям всегда легче поддаются контролю, чем расходы большого ДДИ, функционирующего как бюджетное предприятие. То есть с точки зрения эффективности расходования средств патронатные детские дома предпочтительнее

“Помещение ребенка в социальные учреждения может оказаться единственной возможной реакцией на любое неблагополучие в родной или приемной семье”.

педагогических услуг: в сохранении текущей ситуации заинтересованы по преимуществу не они, а бюрократия среднего звена, занятая распределением получаемых средств.

В этом свете понятно, почему администрация ДДИ стремится оградить детей от контактов с потенциальными усыновителями. Чего стоит хотя бы общеизвестная практика автоматического проставления детям психиатрических диагнозов, смысл которой состоит в том, чтобы ребенок превратился из человека в «бюджетополучателя», средствами которого распоряжается не он сам, а функционеры системы. Штамповка диагнозов предназначена для того, чтобы затруднить усыновление, передачу под опеку или в патронатную семью (для этого диагноз сначала должен быть снят): если завтра всех детей усыновят и конкретный ДДИ закроют, люди, привыкшие распоряжаться за ребенка средствами, которые выделяет для него государство, лишатся дохода.

Оценить, насколько расходование этих средств соответствует заявленным целям,

обычных интернатов, так же как и в смысле эффективности социальной адаптации детей.

Ситуация с «вытеснением» патроната — зеркальное отражение политики в области частных школ. В сфере школьного образования правительство также вытесняет частные и общественные инициативы, подменяя их государственными структурами. Ввиду катастрофического положения с правами детей в домах ребенка и ДДИ «большое правительство» поначалу сделало уступки частной (патронатной) системе. Однако сделаны они были не по той причине, что государство вдруг осознало вред избыточного регулирования, а потому что детские дома и интернаты стали непрозрачны уже и для самого государства, которое надеется (и не без оснований), что патронатные семьи будет легче контролировать. Но в этой сфере, как и во многих других, в последние годы сделан шаг назад: полномочия, переданные поначалу семьям, государство снова возвращает себе.

Таким образом, политика в области обеспечения прав детей отличается

двойственностью: с одной стороны, органы опеки получают власть забирать ребенка из семьи по показателям недостаточного уровня жизни, а с другой — государство продолжает ассигновать неэффективную и непрозрачную систему «Росси́ротпрома», где оно не в состоянии обеспечить права ребенка, в том числе и оттого, что органы опеки, которые осуществляют соответствующий надзор, являются частью той же системы. Независимость же системы «детских омбудсменов» также является довольно формальной (отчего бы

нищите. Можно вообразить себе ситуацию, при которой органы опеки захотят изъять ребенка из такой семьи (прецеденты уже появляются), но трудно представить себе, что такие семьи станут объектом целенаправленного государственного шантажа — в том числе и потому, что доход их невелик и взять с них особо нечего.

Подытоживая эту часть статьи, хотелось бы подчеркнуть следующее. Катастрофическое положение с обеспечением прав детей в России налицо. Усиление государственного контроля над семьей в долгосрочной

“Усиление государственного контроля над семьей в долгосрочной перспективе является лекарством, которое породит больше болезней, чем выздоровлений”.

эту неполитическую должность не сделать выборной хотя бы на местном уровне? Но об этом даже речь не идет), а недавнее назначение Главным уполномоченным по правам ребенка такой фигуры, как Павел Астахов (адвокат, известный безоговорочной поддержкой действий российских властей), дискредитирует саму идею такого института⁴³.

Опасения же относительно того, что первыми жертвами надзорных органов ювенальной юстиции станут многодетные семьи, имеет, на наш взгляд, в значительной степени умозрительный характер. В России *нет* прямой связи между многодетностью и бедностью, что объясняется, по-видимому, доступностью услуг по прерыванию беременности и тем, что матери, оставляющие своих детей на попечение государственной системы опеки, в России почти не стигматизируются обществом. Многодетная семья в России, как правило, многодетна сознательно (часто по религиозным соображениям) и хотя в целом небогата, но редко живет в откровенной

перспективе является лекарством, которое, скорее всего, породит больше болезней, чем выздоровлений. Это вызвано тем, что часть соответствующих государственных институтов находится в таком же деградировавшем и коррумпированном состоянии, как и все остальные.

В краткосрочной перспективе такое усиление контроля может быть допущено, но в условиях отсутствия независимых судов права государства в лице органов опеки по изъятию ребенка из семей должны быть очень серьезно ограничены — прежде всего за счет введения социального патроната. Существующая система домов ребенка и ДДИ, несомненно, должна быть реформирована: для этого необходимо для начала вернуть в законодательство патронат. Следующим шагом должно стать максимальное облегчение и дебиюкратизация процедуры усыновления. Государственные же средства в этом случае имело бы смысл направлять на подготовительную работу с усыновителями и на разъяснительную работу с

населением по вопросам усыновления. Дебюрократизация должна одинаково коснуться и зарубежных, и отечественных усыновителей.

Государственный контроль в такой ситуации будет сводиться в основном к наблюдению и воспитательной работе с неблагополучными семьями — разумеется, в серьезных случаях по суду может произойти изъятие из-под опеки или лишение родительских прав, но важно, чтобы при этом ребенок не попадал в закрытое дисциплинарное учреждение, какими часто оказываются ДДИ. Решения по таким делам должны производиться только судами присяжных.

Заключение

В сфере детской политики у России нет, к сожалению, ни простых, ни даже сколько-нибудь хороших решений. Результатом предельного упрощения общества в советский период стало среди прочего укоренившееся убеждение, что воспитанием детей должна заниматься не семья, а школа или какая-то другая организация. Автор, работавший в 1994 году в одной из первых частных школ, с изумлением слушал, как родители (по большей части индивидуалистически настроенные, свободные люди, склонные в других обстоятельствах брать на себя ответственность, то есть бизнесмены первой и второй волны) предъявляли именно такого рода претензии *частной* школе. «Мы платим вам деньги, вы и занимаетесь ребенком» — вот наиболее типичный ответ на просьбу о педагогическом сотрудничестве.

Это означает, что довольно большое число российских семей не считают воспитание детей своим делом, а полагают, что им должна заниматься школа или мифическое «государство». Низовых структур гражданского общества, которые готовы хотя бы отчасти взять на себя

такую ответственность, в России тоже нет. Общественные организации как-то еще занимаются отстаиванием прав детей и усыновителей перед государством, но совершенно не в состоянии контролировать соблюдение прав детей на уровне семей — родных, приемных или патронатных — просто в силу нехватки ресурсов. Между тем это именно их работа.

Функция защиты прав ребенка в семье, таким образом, делегируется государству, в распоряжении которого из относительно действенных средств имеются только репрессивные: изъятие ребенка из семьи, лишение родительских прав и т. д. Разъяснительной, воспитательной и психологической работой государство заниматься не умеет и не может, а НКО соответствующего профиля крайне немногочисленны и испытывают обычные для всех российских организаций такого рода политические, экономические и юридические трудности. В политическом же смысле, как всегда в подобных случаях, ведется «поиск пропажи под фонарем». Так, громкие кампании в СМИ по борьбе с распространением детской порнографии в Интернете ⁴⁴ не решают ни одну из существующих проблем, зато порождают иллюзию деятельности и даже могут послужить поводом для очередного закручивания гаек.

Оборотная сторона «защиты беззащитного», то есть борьба с детской и подростковой преступностью, также делегируется государству, которое, препятствуя деятельности НКО и не проявляя решительности в борьбе с институтом ДДИ, не желая реформировать школу и не давая возможность нормально развиваться частному образовательному сектору, само же и благоволит этой преступности. К тому же правоохранительная, правоприменительная и пенитенциарная системы российского

государства находятся в таком состоянии, что никакого положительного результата ожидать и не приходится. Предложение о введении ювенальных судов, которое, к сожалению, под горячую руку отвергается вместе с увеличением государственного вмешательства в частную сферу, должно быть на самом деле одобрено обществом, хотя бы потому, что любые попытки создания структур, параллельных действующим (и никак по возможности с ними не связанным), — несомненное благо. Вместе с тем общество должно требовать подконтрольности этих новых структур — широкого использования в ювенальной системе судов присяжных, выборности судей этих судов на низовом уровне и т. д. В противном случае мы получим клон все той же коррумпированной и репрессивной системы, которая отправляет подростков за решетку сегодня.

Общая картина государственной политики в этой области складывается под действием разнонаправленных векторов. Один из них — попытка привести российское законодательство в соответствие с современными западными образцами. Двигателем этих действий является остаточный модернизационный импульс революции 1990-х и существующее, видимо, у части элит представление о том, что улучшение положения с правами ребенка и защитой детства необходимо России чисто прагматически — из соображений демографии и качества человеческого капитала. К сожалению, попытка наложить западное законодательство на деградированные общественные и государственные институты едва ли способна привести к позитивному результату.

Второй чрезвычайно важный вектор направлен на сохранение советской системы в ее более или менее неизменном виде. За этой тенденцией стоит консервативная общественность и, что более важно,

бюджетополучатели системы ДДИ. Национал-консерваторы руководствуются правильной в принципе, но глубоко утопической в текущих обстоятельствах идеей, что права ребенка могут быть обеспечены исключительно семьей, а бюрократия «Росси́ротпрома» — прямыми соображениями экономической выгоды.

Третий вектор государственной политики — сугубо пропагандистский. Очевидно, что существует мощный общественный запрос на изменение положения дел в сфере отношения к семье и детству. В проправительственных медиа он преподносится крайне односторонне: в нем акцентируются исключительно требования ужесточить карательную систему и ввести цензуру. Этот же общественный запрос используется для нагнетания негатива в отношении иностранных государств и культур.

Трудно предположить, что следующая описанным векторам политика в области детства может быть сколько-нибудь целостной или хотя бы долгосрочной.

Нынешняя активизация законодательной и исполнительной власти в том, что касается детской политики, определенно является ответом на запрос общества. Невнятность и неэффективность предлагаемого ответа, к сожалению, полностью соответствуют характеру запроса, который общество не в состоянии сформулировать сколько-нибудь четко. Этот ответ представляет собой набор разрозненных правительственных инициатив, сочетающих в себе патернализм советского образца, попытки по модели карго-культы перенять механизмы, работающие в обществах, устроенных совершенно иначе, с чистой пропагандой, зеркально отражая тот противоречивый набор запросов, с которыми обращается к правительству общество. Ситуация только

усугубляется тем, что единственное в России средство действительно *массовой* коммуникации, телевидение, не может быть площадкой для широкого и сколько-нибудь внятного обсуждения этих вопросов. Единственный способ артикулировать общественные потребности сколько-нибудь непротиворечиво заключается в использовании инструментария столь же очевидного, сколь на данном этапе и непопулярного: поощрение общественной автономии, обеспечение возможности вести открытые дискуссии, демократия и неимитационная выборность властей хотя бы на низовом уровне, уплата подоходного налога в местные бюджеты и так далее.

Настоящая же ситуация естественна для нынешней России, говоря о которой мы, по выражению Льва Гудкова⁴⁵, имеем дело «не

с процессами глубокой трансформации советской государственной и экономической структуры и перехода к какому-то варианту современного европейского общества, а скорее с очень медленным процессом разложения старой институциональной системы». Это означает, что пока процесс разложения продолжается, а институциональные рамки остаются прежними, детская политика будет частью отложенной модернизации, в состоянии которой пребывает вся страна. Что должно случиться для того, чтобы эта мертвая зона была пройдена? Успеет ли страна вообще пройти эту зону до своего распада? Ответы на подобные вопросы, находящиеся далеко за рамками данной статьи, мы так или иначе получим в ближайшие пять—десять лет. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ <http://www.nr2.ru/society/215376.html>

² См., например, здесь: <http://fritzmorgen.livejournal.com/255782.html>

³ В подписанном президентом варианте закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» условно-досрочное освобождение (УДО) не отменяется вовсе, но становится возможным после отбытия трех четвертей назначенного срока наказания.

⁴ <http://www.gazeta.ru/social/2008/01/29/2608806.shtml>

⁵ Вспоминается недоумение Максима Каммерера, жителя светлого коммунистического будущего, попавшего в страшный мир Саракша в романе Стругацких «Обитаемый остров»: «... Не совсем вас понимаю. Что такое “детская преступность”? Преступления против детей? За щ и т н и к: Нет, преступления, совершаемые детьми. О б в и н я е м ы й: Не понимаю, дети не могут совершать преступлений...» (Цит. по: http://lib.ru/STRUGACKIE/ostrow.txt_Piece40.08).

⁶ В интервью радио «Свобода» он объяснил этот свой жест тем, что после депортации Сандры

отношение к русским в Португалии стремительно ухудшилось: сжигая паспорт, Афанасьев хотел продемонстрировать, что не все португальские русские одинаковы и не все готовы солидаризоваться с позицией российского правительства, выразившего — через подконтрольные медиа — восторг по поводу перемещения матери и дочери в Россию (см. <http://www.svobodanews.ru/content/article/1744275.html>).

⁷ <http://www.baltinfo.ru/tags/Inga-Rantala>

⁸ <http://www.newsru.com/russia/27may2009/sandra.html>

⁹ <http://www.newsru.com/russia/18sep2009/babsandr.html>

¹⁰ Несмотря на то, что дело Дробачевского находилось «на особом контроле» молодежного движения «Молодая гвардия Единой России».

¹¹ <http://txt.newsru.com/russia/11jul2008/zakroyut.html>

¹² <http://10.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/03/04/227267>

¹³ Такая несколько шизофреническая на вид ситуация является на самом деле совершенно органичной. «Вставание с колен» российского общества происходит исключительно в виртуаль-

ной сфере, отыгрыш поражения в холодной войне происходит почти исключительно на дискурсивном уровне, реваншизм имеет символический характер, а когда доходит до дела, как в случае с грузинской кампанией лета 2008 года, и государство, и общество довольно быстро обнаруживают себя в ситуации крайнего дискомфорта и непонимания дальнейших перспектив: у России нет ни стратегии, ни тактики реванша, но исключительно эмоциональный запрос на него. На предметном же уровне основным запросом — во всяком случае пока — является не реванш, а стабильность, ненарушаемое полунитаргическое состояние, необходимое обществу для восстановления сил.

¹⁴ Недаром один из участников дискуссии в блогосфере указывает на то обстоятельство, что в Россию «вернули» ребенка, выросшего в инокультурной среде и даже не говорящего по-русски, то есть по принципу “крови” (<http://golishev.livejournal.com/1176935.html>).

¹⁵ «Более того, что касается педофилов, я бы поддержал даже суды Линча. Считаю, что такие преступники не заслуживают никаких поблажек и послаблений», — говорит игумен Сергей Рыбко, настоятель храма Сошествия Святого Духа на апостолов на Лазаревском кладбище (<http://newsru.com/russia/09apr2008/pedofilia.html>). Справедливости ради надо заметить, что официальная позиция РПЦ по этой проблеме отличается большей сдержанностью: и.о. секретаря отдела внешних церковных связей Московского патриархата священник Георгий Рябых считает, что лучшим способом борьбы с педофилией является запрет на ее пропаганду в СМИ. Что имеется в виду под такой пропагандой, впрочем, иерей не поясняет.

¹⁶ <http://www.newsru.com/arch/russia/22oct2008/family.html>

¹⁷ <http://newsru.com/russia/16mar2009/deti.html>

¹⁸ http://www.newsru.com/crime/18apr2006/mur_1.html

¹⁹ <http://echo.msk.ru/news/571355-echo.html>

²⁰ <http://www.gzt.ru/society/2008/02/20/220244.html>

²¹ <http://www.rosbalt.ru/2009/10/30/684910.html>

²² <http://www.newsru.com/russia/08apr2008/mvd.html>

²³ Подробнее об этом см.: Львовский С. С вывернутой шеей // Новое литературное обозрение. 2009. № 95.

²⁴ <http://www.newsru.com/russia/25mar2009/kinder.html>

²⁵ В СССР даже раньше, чем в США, перестали выносить и приводить в исполнение смертные приговоры несовершеннолетним.

²⁶ То же мартовское выступление Буксмана перед депутатами Госдумы, на которое мы уже ссылались, завершается предложением о создании поста уполномоченного по правам ребенка, детского омбудсмана, что и было впоследствии сделано в рамках организации в России ювенальной юстиции.

²⁷ <http://www.rian.ru/society/20100202/207420978.html>

²⁸ <http://www.openspace.ru/society/russia/details/16295/>

²⁹ Это разнообразие отчасти вынужденное, связанное с упомянутым выше глубоким кризисом системы профессионального обучения, техникумов и колледжей.

³⁰ Это утверждение, впрочем, не совсем корректно исторически. Изначально советская школа была занята «созданием нового человека», материала для строительства нового общества. Направление на воспитание «достойного гражданина своей страны», «маленьких граждан новой России» и т. д. сохраняется и сегодня — к ребенку по-прежнему относятся не как к свободному человеку, а как к материалу или собственности государства, что со всей отчетливостью следует, к примеру, из дела Зарубиной. В этом смысле образование служит развитию ребенка, но в «правильную», необходимую для государства сторону. При таком отношении со стороны государства школа начинает напоминать то ли тренировочный лагерь, то ли звероферму, на которой откармливали Недопеска в повести Юрия Коваля. Подобный взгляд на школу прямо формулирует близкий к ФЭП политолог и публицист Павел Данилин в дискуссии о комплексе учебных книг, в котором Сталин был назван «эффективным менеджером» (Данилин был и сам одним из авторов этого комплекса): «Учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России» (<http://leteha.livejournal.com/502209.html?thread=8057281>).

³¹ Закон СССР «О государственных пенсиях», создавший национальную пенсионную систему, был принят только в 1956 году, а колхозники получили доступ к этой системе и того позже — в 1964-м.

³² В СССР в отсутствие возможности взять банковский кредит такие структуры сохранялись в отдельных учреждениях до конца 1980-х годов. Называемые иногда «черными кассами», или КВП — кассами взаимопомощи, — эти формируемые путем отчислений от зарплаты по добровольному соглашению работников предприятия (реже всего предприятия, чаще отдела или иного структурного подразделения) резервные фонды позволяли домохозяйствам совершать дорогостоящие (вроде стиральной машины) приобретения, иначе не укладывавшиеся в семейный бюджет.

³³ <http://www.express.co.uk/posts/view/115736/Sin-bins-for-worst-families>

³⁴ *Clinton H. It Takes a Village: And Other Lessons Children Teach Us.* Simon & Schuster, 1996.

³⁵ http://rusk.ru/tema/obwstwo/yuvenal_naya_justiciya/

³⁶ <http://www.marksizm.info/content/view/6119/57/>

³⁷ <http://www.fontanka.ru/2010/02/15/014/>

³⁸ <http://onza.livejournal.com/466148.html>

³⁹ http://www.pro-mama.ru/article_987.html

⁴⁰ <http://www.svobodanews.ru/content/article/1615328.html>

⁴¹ <http://miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=7&id=10955>

⁴² http://www.pro-mama.ru/en/articles_345_502.html

⁴³ При учреждении поста Уполномоченного по правам ребенка в России на него был назначен Алексей Головань, юрист и управленец, с 1989 года профессионально занимавшийся проблемами детей-сирот — сначала в Советском детском фонде, потом на посту исполнительного директора благотворительного центра «Соучастие в судьбе». На посту Уполномоченного г-н Головань, чье назначение сопровождалось поддержкой проправительственных медиа, пробыл удивительно недолго — с 1 сентября по 26 декабря 2009 года. Уволен был Головань с официальной формулировкой «по собственному желанию». Комментировать обстоятельства своего ухода он отказался. Отставка Голованя удивила и вызвала сожаление экспертов по вопросам прав человека и прав ребенка (см., например: <http://www.hro.org/node/7128>).

⁴⁴ Или не в Интернете: см., например, попытки обвинить в пропаганде педофилии российский телеканал «2x2» (<http://news2.ru/story/136108/>).

⁴⁵ Выступление на заседании «круглого стола» «Модернизация экономики и общество» 3 апреля 2007 г. (<http://www.hse.ru/data/589/663/1234/gudkov4.doc>).